Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
П-51/40-48

КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Августа. № 15. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

БЕСѢДА

о томъ, что пьяница есть нарушитель всѣхъ заповѣдей Божіихъ [1]).

Между многими прекрасными качествами и сторонами нашего русскаго православнаго народа, къ величайшему сожалѣнію и немалому несчастію, пьянство такой есть важный недостатокъ, который особенно бросается въ глаза, и не только унижаетъ и позоритъ насъ во мнѣніи людей нравственныхъ, но и причиняетъ великій вредъ нашему народу, какъ въ христіанской, такъ и въ общественной, гражданской его жизни и развитіи. О, если-бы знали, какой величайшій грѣхъ есть пьянство и какой великій грѣшникъ-пья-

---

[1]) Изъ журнала «Домашняя Бесѣда» 1873 г. № № 36 и 37. Предлагаемъ эту бесѣду (говоритъ редакторъ Дом. Бесѣды), какъ образецъ поученій, преимущественно благопотребныхъ въ наше несчастное время.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина 1950

ница! Пьянство есть грѣхъ предъ Богомъ, грѣхъ предъ людьми и грѣхъ предъ самимъ собою.

Всякій грѣхъ, какъ бы онъ ни казался намъ малымъ, есть оскорбленіе Бога, и подвергаетъ насъ вѣчному осужденію. Согрѣшившій противъ одной заповѣди закона Божія повиненъ въ нарушеніи всего закона. Что же сказать о пьяницѣ, который попираетъ и нарушаетъ именно весь, какъ есть, законъ Божій, грѣшитъ положительно противъ всѣхъ заповѣдей Божіихъ? Не подумайте, что это преувеличено,—нисколько. Раскроемъ скрижали закона Божія, поставимъ ихъ предъ собою, какъ зеркало, и разсмотримъ строго и безпристрастно—какую заповѣдь Божію не нарушалъ бы пьяница.

Первая заповѣдь Божія повелѣваетъ намъ познавать и любить Бога и служить Ему всѣмъ существомъ своимъ: но можетъ ли отуманенный виномъ пьяница возноситься умомъ къ Богу, а тѣмъ болѣе познавать Его? Развращенное сердце можетъ ли любить, и испорченная воля можетъ ли служить Богу святому и праведному? Для пьяницы богъ—собственная страсть, ненасытное *чрево* его. Пьяный способенъ и къ хуленію, и къ кощунству, и къ безбожію. Плохой, значитъ, богочтецъ—пьяница, дурной христіанинъ.

Вторая заповѣдь Божія запрещаетъ творить идоловъ и кланяться имъ. Но пьяница страсть свою къ вину дѣлаетъ для себя идоломъ, которому кланяется. Не идолопоклонникъ ли онъ?

Третья заповѣдь Божія запрещаетъ произносить безъ нужды святое и великое имя Божіе, а также сквернословіе и брань. Но чего вы хотите отъ пьянаго, съ языка котораго сыплется не только божба, но и всякаго рода брань и сквернословіе, самыя гнусныя слова, оскорбляющія слухъ

всякаго порядочнаго человѣка? Пьяницы такъ же легко попираютъ и клятву и присягу, столь священныя и обязательныя для всѣхъ добрыхъ христіанъ. Но нельзя безъ особеннаго сокрушенія и боли сердца не остановиться вниманіемъ на безобразнѣйшей и постыднѣйшей изъ злыхъ привычекъ—сквернословіи. Ни у одного народа, ни на одномъ языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ грубыхъ, скверныхъ, возмущающихъ цѣломудренныя души бранныхъ словъ, какъ, къ величайшему стыду нашему, у русскаго, православнаго люда. Идя по улицамъ, и днемъ и ночью, и въ будни и въ праздникъ, едва ли не на каждомъ шагу слышится эта позорная площадная брань, о которой *не лѣть есть* и *глаголати*, которую отказывается выражать и перо, и бумага, и печать. И какая до чудовищности грустная, безнравственная брань! Кого же бранятъ эти безсмысленные, безумные люди, глумясь своими нечистыми устами надъ самымъ прекраснѣйшимъ на языкѣ человѣческомъ словѣ и нѣжномъ имени—*мать*. Кто и что у насъ зовется этимъ задушевнымъ, сердечнымъ, святымъ именемъ матери? Первая мать наша—это *честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ*, пресвятая Богородица, Матерь Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, породнившая небо съ землею, Бога съ человѣкомъ, послужившая орудіемъ нашего спасенія, неусыпная, *усердная заступница* и ходатаица наша предъ престоломъ Сына своего и Бога нашего. Вторая мать наша—это та единственная дорогая женщина, которая въ несказанныхъ мукахъ произвела насъ на свѣтъ Божій, вскормила насъ своею грудью, проводила столько безсонныхъ ночей около колыбели нашей, воспитала, научила и пустила насъ въ люди, любящая насъ болѣе собственной своей жизни. Третья мать наша—это созданная для насъ Богомъ мать—

сырая земля, изъ которой и мы созданы, которая питаетъ насъ своими плодами, и которая приметъ насъ опять въ свои матернія, хоть и хладныя, объятія, по смерти нашей. И вотъ это-то св. имя матери унижаютъ, и позорятъ самыми мерзкими словами!.. Разсудите сами и скажите на милость: не верхъ ли это неблагодарности, безстыдства, безумія и глумленія и надъ самыми собою и надъ всѣмъ тѣмъ, что только есть святаго и драгоцѣннаго для человѣка, не потерявшаго послѣдней капли здраваго смысла?

Четвертая заповѣдь Божія повелѣваетъ посвящать Богу праздники Господни; а пьяница вѣренъ поговоркѣ: кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ. Благочестивые люди идутъ въ храмъ Господній освящать себя молитвою и добрыми дѣлами, а пьяница идетъ въ кабакъ, затѣваетъ шумъ и драку и предается всяческимъ безобразіямъ. И не больно ли, не прескорбно ли видѣть, какъ чрезъ это христіане унижаютъ себя не только предъ своими братьями, въ страхѣ Божіемъ живущими, но и предъ жидами и турками, которые, по своему, свято исполняютъ и проводятъ свои субботы и пятницы? Можно ли назвать христіанами такихъ пропащихъ людей? Праздникъ потому и *праздникъ*, что мы должны *упразднить* себя даже и отъ обыкновенныхъ своихъ житейскихъ дѣлъ и занятій и посвятить себя всецѣло Богу; а у насъ, какъ нарочно, оскорбляютъ святые дни невоздержаніемъ, пьянствомъ и безобразіемъ всякаго рода и вида. Не стыдъ ли, не позоръ ли это для носящихъ на себѣ имя Христово?

Пятою заповѣдію внушается намъ любовь и почтеніе къ родителямъ, къ Государю, къ начальникамъ, къ пастырямъ Церкви. Какіе родители не учатъ дѣтей своихъ добру и трезвости! Но пристрастившійся къ вину ни во что ста-

вить совѣты и мольбы родителей, и распутнымъ своимъ поведеніемъ часто оскорбляетъ ихъ сѣдины и вгоняетъ въ преждевременную могилу. Любовь и безграничную вѣрнопреданность къ Царю, общему Отцу народа и государства, Помазаннику Божію, мы всѣ, вѣрноподданные Его, должны выражать вѣрною и усердною службою, честнымъ и ревностнымъ исполненіемъ своего долга и лежащихъ на насъ обязанностей. Но скажите,—можетъ ли человѣкъ, предающійся невоздержанію и пьянству, быть всегда вѣрнымъ слугою Царя и Отечества, когда онъ сегодня пьянъ, а завтра съ-похмѣлья, когда и свое здоровье и способности, и время и трудовую копѣйку онъ тратитъ на удовлетвореніе низкой страсти? Начальству, которое требуетъ отъ всѣхъ хорошаго поведенія, порядка, подчиненности, пьяный оказываетъ грубость, дерзость и непослушаніе; а отъ пастырей духовныхъ онъ отворачивается и бѣгаетъ, и встрѣчу съ ними почитаетъ для себя несчастіемъ, видя въ нихъ обличителей своей страсти и дурнаго образа жизни. «Попъ на встрѣчу—добра не бывать!» говоритъ пьяница, пробираясь украдкой въ кабакъ. И дѣйствительно, добра не бываетъ: пьяный накуролесилъ, и попалъ подъ судъ!..

Шестая заповѣдь запрещаетъ посягать на жизнь, спокойствіе и безопасность ближнихъ, также гнѣвъ, злобу, ненависть, ссору и драки. Но кто болѣе пьянаго способенъ къ необузданному гнѣву, ссорамъ и дракамъ, ведущимъ и къ убійству, этому ужасному преступленію, караемому законами Божескими и человѣческими? Изъ множества убійствъ, обагряющихъ кровію человѣческою землю, весьма значительная часть падаетъ именно на несчастныхъ, отуманенныхъ виномъ, которые, часто допиваясь до болѣзни, сами не даютъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлаясь ужаснѣйшими и опа-

снѣйшими преступниками и злодѣями. Не даромъ говорится, что пьяному и море по колѣно; онъ смѣло идетъ по этому морю зла, и часто гибнетъ въ немъ окончательно. Не говоримъ о людяхъ не развитыхъ и невѣжественныхъ,— пьянство можетъ доводить до ужаснѣйшихъ злодѣяній и людей болѣе высокой нравственности. Вотъ примѣръ изъ житій св. отцевъ. На востокѣ жилъ одинъ пустынникъ, много уже лѣтъ проведшій въ постѣ, молитвѣ и достигшій высокой степени совершенства на пути благочестія и подвиговъ духовныхъ. Но врагъ человѣческаго спасенія, діаволъ, внушилъ ему такую гибельную мысль: «теперь,— говоритъ самъ себѣ подвижникъ,—я достигъ уже совершенства въ святости и, кажется, не велика бѣда, если я позволю себѣ одинъ какой либо грѣхъ; мои добродѣтели покроютъ его и сдѣлаютъ незамѣтнымъ въ очахъ Божіихъ. Какой же бы грѣхъ совершить? Нарушить постъ, поѣвши скоромнаго? Но я цѣлый вѣкъ провелъ въ постѣ и воздержаніи. Сотворить ли блудъ? Но нѣтъ,—я во всю жизнь сохранилъ цѣломудріе, а теперь, на старости... слишкомъ ужъ позорно и унизительно. Вотъ, развѣ вина выпить,— это, кажется, можно; вѣдь и святые пили, да и въ монастырскомъ уставѣ иногда разрѣшается на вино и елей. Рѣшено—выпить; напьюсь, просплюсь, а потомъ и замолю этотъ грѣхъ не тяжкій. «И вотъ пустынникъ выпилъ чарку—понравилось; захотѣлъ выпить другую и третью. Постная закуска оказалась неудовлетворительною,—разрѣшилъ и на мѣсоястіе. Вожделѣнія плоти потребовали своего; на ту бѣду откуда ни возмись—молодая женщина... Отуманенный виномъ и разженный страстію, бѣдный пустынникъ не выдержалъ и... паденіе совершилось! За тѣмъ униженная гордость вступила въ свои

права.—«Какъ?—сказалъ себѣ несчастный постникъ,—эта презрѣнная тварь пронесетъ имя мое яко зло и помрачитъ славу моей святости по всей окресности? Нѣтъ, не будетъ этого!»—да не долго думая, всталъ, догналъ и убилъ прелестницу. Такимъ образомъ, одинъ грѣхъ—пьянство довелъ вотъ до какихъ преступленій и злодѣйствъ! Если же и святость падаетъ такъ тяжко, то что сказать о людяхъ безъ воли, безъ убѣжденій, не наблюдающихъ строго надъ самими собою?... Ко всему этому—пьянство омрачаетъ умъ, повреждаетъ память, изъ разумнаго созданія дѣлаетъ человѣка идіотомъ, портитъ кровь, бываетъ причиною многихъ неизличимыхъ болѣзней и преждевременно старитъ и вгоняетъ человѣка въ гробъ. А сколько пьяныхъ умираетъ мгновенно, отъ удара, сколько ихъ посягаетъ на свою жизнь, дѣлаясь самоубійцами, которыхъ св. Церковь лишаетъ своихъ молитвъ и христіанскаго погребенія!...

И какъ уродуетъ человѣка пьянство! Изъ разумнаго Божія творенья не только прилагаетъ скотамъ несмысленнымъ, но дѣлаетъ его еще далеко хуже и ниже ихъ. Всякое животное ѣсть и пьетъ въ мѣру столько, сколько требуетъ его природа. Одинъ человѣкъ, вѣнецъ творенія Божія, который долженъ быть царемъ своихъ страстей, не хочетъ знать ни въ чемъ мѣры и вѣса, нарушая законы ума и совѣсти, вѣры и природы, искажая свое собственное естество... За то дорого же онъ и платится за это, теряя силы и здоровье, наживая неизлечимые недуги, обезображивая и искалечивая себя и ложась часто въ цвѣтѣ лѣтъ, заживо въ могилу. Развѣ это не самоубійство? Здоровье есть драгоцѣнный даръ Божій, которой всякій разумный человѣкъ долженъ беречь и хранить, какъ зѣницу ока, а пьяница разрушаетъ его, считая за ничто, и дѣлается

никуда неспособнымъ въ жизни бременемъ для себя и для общества.

Седьмая заповѣдь запрещаетъ прелюбодѣяніе и развратъ. Но св. апостолъ Павелъ прямо говоритъ, что слѣдствіемъ пьянства есть *блудъ*. Пьянство, разнуздывая страсти и скотскія вожделенія плоти, прямо ведетъ ко всевозможнымъ видамъ разврата, самымъ ужаснымъ и омерзительнымъ, о которыхъ христіанину *срамно естъ*, по слову апостола, *и глаголати*.

Осьмая заповѣдь запрещаетъ воровство, кражу чужой собственности. Но можетъ ли пьяница не быть воромъ? Онъ воръ уже потому, что обкрадываетъ самаго себя, пропивая трудовую копѣйку; крадетъ у себя здоровье и силы, крадетъ самое время. Притомъ, всякій пьяница есть вмѣстѣ и лѣнтяй,—а лѣность также воровство. Но пьянство ведетъ и къ прямому воровству. Пропивъ все свое, пьяница крадетъ чужое, для удовлетворенія своей пагубной страсти. Нерѣдко случается намъ бывать въ новыхъ судахъ. Большинство дѣлъ—или ссора и драка, или воровство,—и всѣ эти преступленія, въ большинствѣ случаевъ, совершаются въ пьяномъ видѣ, всему злу главная, стало быть, причина—пьянство. Будь человѣкъ трезвъ, ему бы и въ голову не пришла дурь и блажь, а пьяному—все ни почемъ. Трезвый человѣкъ какъ человѣкъ: и исправенъ и послушенъ, услужливъ; напился—и начальству согрубилъ, и своего брата обидѣлъ, и въ непотребный домъ зашелъ, и подрался, и укралъ, и уже нѣтъ зла и худа, которое неспособенъ былъ бы сдѣлать пьяный человѣкъ.

Девятая заповѣдь запрещаетъ посягать на честь и доброе имя ближняго. Но можетъ ли пьяница, не дорожащій собственною честію, дорожитъ честью другихъ? Напротивъ,

свое собственное униженіе и заслуженное презрѣніе за безпорядочную и развратную жизнь онъ старается вымѣстить на другихъ; и потому ему всегда противны честь и доброе, безъукоризненное имя и слава ближняго, живущаго по христіански, въ трезвости и добропорядочности; онъ способенъ на клевету, ложь и навѣты явные и тайные, способенъ употребить всѣ силы и средства, чтобы омрачить и очернить имя, уронить достоинство и заслуги того, кто стоитъ выше его по своему образу жизни и качествамъ умственнымъ и нравственнымъ. Распутный и лѣнтяй, онъ не можетъ терпѣть и ненавидитъ добраго и усерднаго къ своему долгу собрата. Развращенный и нечестивый, онъ врагъ и злодѣй для живущаго въ страхѣ Божіемъ ближняго и всякое съ нимъ несчастіе и злополучіе считаетъ для себя торжествомъ и побѣдою. Пьянство изъ человѣка—христіанина дѣлаетъ духа злобы, подобнаго діаволу, исконному человѣкоубійцѣ, который, *яко левъ, рыкая, ходитъ, ищай кого поглотити*!..

Десятою заповѣдію Божіею запрещается завидовать благосостоянію ближняго. Но можетъ ли быть равнодушенъ и доброжелателенъ къ счастію и благосостоянію ближняго тотъ, кто довелъ себя до бѣдности и нищеты, до безславія и позора? Какъ сатана, за гордость низверженный съ неба, позавидовалъ райскому блаженству первыхъ людей и лишилъ ихъ этого блаженства, такъ и, потерявшій достоинство человѣческое, пьяница всемѣрно старается повредить спокойствію и счастію другихъ людей.

Мы только слегка коснулись заповѣдей Божіихъ, можно сказать—только бѣгло взглянули въ зерцало Закона Божія, и то уже достаточно увидѣли, въ какую бездну зла и порока ввергаетъ себя человѣкъ, преданный пьянству. Что,

же, если подробно углубимся въ скрижали Закона Божія, въ ученіе Евангелія и апостоловъ, въ писанія св. Церкви и ея учителей? Много, много нужно времени для изображенія всего зла, проистекающаго для людей отъ пьянства; но достаточно и указаннаго нами, чтобы видѣть, что пьянство есть грѣхъ противъ всѣхъ заповѣдей Божіихъ, есть мать всѣхъ пороковъ, есть зло изъ всѣхъ золъ горшее и губительнѣйшее для человѣка. Бѣгайте же его, какъ самаго злѣйшаго врага, какъ язвы и заразы, губящихъ душу и тѣло?

Къ величайшему сожалѣнію, не смотря на явный вредъ отъ пьянства, не смотря на то, что противъ пьянства гремятъ и слово Божіе, и разумъ и наука, что противъ него вопіютъ и ополчаются жизнь и нравственность, законы и правительство, что на него жалуются повсюду и блюстители нравовъ и правосудія, и государственная экономія, при всемъ томъ, сколько ни греми противъ пьянства, нашъ русскій народъ все пьетъ да пьетъ. А кому бы, кажись, болѣе и естественнѣе всего воздерживаться отъ пьянства, какъ не бѣдняку-крестьянину, которому каждая копѣйка достается кровавымъ потомъ? Правда, русская исторія гласитъ, что съ самой ранней поры ея человѣкъ русскій находилъ для себя особое »веселіе пить« почему нѣкоторые и говорятъ, что пьянство будто-бы неизцѣльное, прирожденное свойство нашей натуры, какъ жителей сѣверныхъ, холодныхъ странъ. Но, полно, правда ли это? А великое множество подвижниковъ и прославленныхъ Церковію угодниковъ Божіихъ, теперешнихъ молитвенниковъ нашихъ? А цѣлыя сонмы людей, сіяющихъ и нынѣ подвигами воздержанія въ святыхъ обителяхъ русскихъ? А люди вѣры и разума, добра и чести, которыми никогда не оскудѣваетъ св. Русь наша? Нѣтъ,—воли, доброй, сильной воли и характера,

благочестія и доброй, постоянной нравственности, христіанскаго самосознанія и устойчивости, образованія и развитія— вотъ чего не достаетъ русскому человѣку, и вотъ главная причина, отъ чего онъ пьетъ и съ горя и съ радости! И диви бы предавались излишеству люди богатые и зажиточные, подобные Евангельскому богачу, у котораго угобзилась нива до того, что онъ не зналъ, что и дѣлать съ нею; а то вѣдь, по большей части пьянствуютъ и пропиваютъ и пропиваются, и за то бѣдствуютъ и нищенствуютъ, люди и безъ того бѣдные, крестьяне и рабочіе, питающіеся поденнымъ трудомъ. Вотъ хоть бы крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости: вмѣсто того, чтобы благодарить Великаго Благодѣтеля и Отца Царя—Освободителя, и денно-ночно молиться за Него Господу Богу, трудиться и работать для собственнаго и общаго блага, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ запили на радостяхъ до того, что буквально сдѣлались нищими, такъ что у многихъ не осталось ни кола, ни двора, ни ѣсть нечего, ни подати платитъ нечѣмъ...

И страшно становилось бы за русское человѣчество, если бы оно, чего Боже сохрани—и впредь пошло бы безостановочно по болоту невоздержанія и пьянства. Мрачная, ужасная картина представилась бы намъ: ослабленіе добрыхъ нравовъ, умноженіе разврата и преступленій, бѣдности, нищеты и тунеядства, быстрое паденіе общественнаго здоровья, цѣлыя поколѣнія идіотовъ и никуда негодныхъ гражданъ, нравственное и физическое разложеніе силъ народныхъ, безсиліе и ослабленіе государства, силу и могущество котораго, всегда составляетъ сильный и здоровый, трезвый и благочестивый народъ.

Да, съ какой стороны ни взгляни на пьянство, оно ужасный бичъ для человѣка, и какъ гражданина и какъ семьянина. Осо-

бенно въ семьѣ пьяница жестокій бичъ и тиранъ для самыхъ ближнихъ. Жена его—самая несчастная женщина въ мирѣ: безъ всякой вины, съ своей стороны, всегда въ слезахъ, избита, изувѣчена; это истинная мученица. Дѣти отъ страха, въ переполохѣ, прячутся по угламъ, и должны слушать своими невинными ушами мерзкую и скверную брань отъ своего позорнаго, становящагося для нихъ ненавистнымъ, родителя-развратителя, и, вмѣсто уроковъ доброй нравственности и христіанскаго воспитанія, преждевременно, съ младенчества, развращаются и идутъ по слѣдамъ своего преступнаго отца. Какихъ гражданъ, какихъ слугъ отечеству и членовъ общества можетъ образовать отецъ развратный и идіотъ, заглушившій въ себѣ пьянствомъ всѣ благородныя и святыя чувства человѣчества и христіанства, и находящій для себя блаженство только въ животныхъ инстинктахъ и въ мертвецки пьяномъ состояніи? Это самый вредный, гнилой и заразительный членъ общества человѣческаго, котораго, по всей справедливости, должны бы карать и преслѣдовать самые строгіе законы и правосудіе, потому что преступленіе его простирается на цѣлыя поколѣнія, такъ какъ пьянство и развратъ переходитъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ дѣтей къ внукамъ и т. д. Кто же можетъ быть вреднѣе, опаснѣе для всякаго благоустроеннаго и благовоспитаннаго общества человѣческаго? Для государства нужны граждане добрые, и нравственные, а не бѣснующіеся дикобразы и обезумѣвшіе отъ запоя пьяницы, ругающіеся въ себѣ надъ образомъ Божіимъ. А что еще, если мужъ и жена—оба преданы пьянству? Семья въ такомъ случаѣ подлинный адъ, вертепъ и разсадникъ ужаснѣйшаго разврата, язва, вреднѣйшая всякой заразы и эпидеміи для общества!..

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: ужели мы такіе ужъ записные пьяницы, что на насъ такъ нападаютъ, и развѣ нельзя и въ праздникъ выпить лишней чарки вина? Вѣдь и въ св. писаніи и церковномъ уставѣ разрѣшается. Такъ; но что говоритъ Писаніе? *Невинно вино, укоризненно же пьянство*. И царь Давидъ говоритъ, что *вино веселитъ сердце человѣка и хлѣбъ сердце человѣка укрѣпитъ*; а св. апостолъ Павелъ совѣтуетъ даже больному ученику своему, Тимоѳею, пить вино, но только какъ лекарство, и то—мало, *стомаха ради и частыхъ недуговъ*. А у насъ развѣ такъ пьютъ?.. Другъ любезный, не въ томъ бѣда—пилъ ли ты, а сколько пилъ? Если умѣренно, послѣ трудовъ, для подкрѣпленія здоровья, или въ праздникъ, ради свѣтлости дня, и притомъ столько, что не потерялъ образа и подобія Божія, въ томъ, разумѣется, и грѣха нѣтъ, хотя, строго говоря, каждая лишняя капля питья, каждая ненужная кроха хлѣба уже вредятъ здоровью человѣка, и, стало быть, становятся для него грѣхомъ. Притомъ, надо знать и помнить, что вездѣ въ Свящ. Писаніи, гдѣ говорится про вино, разумѣется легкое, виноградное, а не наша крѣпкая водка, одуряющая сивуха, которой на слабую голову довольно двухъ-трехъ стакановъ, чтобы изъ человѣка сдѣлать скотину.

Ужъ одинъ видъ, одинъ взглядъ на пьянаго могъ бы отвратить человѣка отъ пьянства. Посмотрите на него: глаза его красны, мутны и безжизненны, на устахъ площадная брань и сквернословіе. Вотъ онъ идетъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, словно земля его не держитъ, словно землетрясеніе подъ ногами его: то ударится объ стѣну, то, того и гляди, упадетъ съ размаха о землю и грянется навзничь; ноги не держатъ его, будто онѣ не его; и вотъ

онъ, потерявъ, наконецъ, равновѣсіе, ввалился въ грязь, и лежитъ тамъ какъ свинья, и только тяжелое, прерывистое дыханіе показываетъ, что еще живъ онъ... Боже праведный! Это ли человѣкъ, созданный по образу и по подобію Твоему? Это ли царь вселенной, вѣнецъ творенія Твоего? Можетъ ли быть что-нибудь унизительнѣе и позорнѣе этого для существа съ разумною и безсмертною душою, назначенною для царствія Божія, въ сожительство съ свѣтлыми и чистыми духами?.. Точно бѣсноватый, описанный въ Евангеліи: *оцѣпенѣваетъ и пѣны теңи творитъ, и скрежещетъ зубы своими; множицею падаетъ во огнь, и множицею въ воду; въ ризу не облачается и во храминѣ не живетъ, но во гробѣхъ... Что ти есть имя*, злосчастный? *Легіонъ, яко мнози внидоша въ онъ!...* Ужасно... но— вѣрно! Какъ же изгнать этого бѣса, этотъ легіонъ бѣсовъ изъ одержимаго пьянствомъ человѣка? Ничѣмъ другимъ, по слову Господа, какъ только *молитвою и постомъ*, воздержаніемъ и обузданіемъ своей злой привычки. Познай всю глубину своего паденія, бѣдный человѣкъ, вспомни о вѣчности, о судѣ, объ огнѣ геенскомъ. *Пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ...* Тебѣ трудно вдругъ оставить пьянство,—отставай понемногу. Ходи почаще въ церковь Божію, молись и бей себя въ грудь, и говори съ мытаремъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Молись искренно, отъ души, со слезами, и молитва отрезвитъ тебя, и Господь милостивый изведетъ тебя изъ рова преисподняго, и дастъ тебѣ силы и возможность возстановить твое человѣческое достоинство.

ПОЗДРАВЛЕНІЯ ОТЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ МИТРОПОЛИТУ СЕРАПІОНУ.

Мы обѣщали представить обозрѣніе поздравительныхъ стихотвореній кіевской духовной музы; но доселѣ намъ удалось розыскать только тринадцать тетрадей поздравительныхъ віршъ митрополиту Серапіону, подписанныхъ кіевскою духовною академіею въ день его ангела съ 1806 по 1817 г. включительно. Одна только тетрадь представлена по особому случаю—пожалованія митрополита 1814 г. орденомъ св. Андрея первозваннаго.

Серапіонъ (Александровскій) изъ архіепископовъ казанскихъ возведенъ въ санъ кіевскаго митрополита 1803 года декабря 11 дня. Въ 1822 году, по причинѣ болѣзненнаго состоянія, по прошенію, уволенъ на покой. Скончался въ Кіевѣ 1824 года сент. 14-го дня и погребенъ въ кіево-софійскомъ соборѣ. Долговременное управленіе кіевскою паствою оставило о немъ самую добрую память, его любили и глубоко уважали. Поэтому не удивительно, что и Академія воздавала ему ежегодно дань хвалы и благодарности въ своихъ поздравленіяхъ. Поздравленія эти переплетены въ папку, большею частію въ голубомъ атласѣ, съ золотымъ обрѣзомъ бумаги, и очень тщательно переписаны. На каждой почти тетради есть виньетка. Рисунокъ по виньеткамъ очень тщательный, но содержаніе ихъ не очень мудро. Наичаще встрѣчаются аксессуары архіерейскаго служенія: подушка, на ней митра, по сторонамъ—архіерейскій жезлъ и архимандричій лаврскій жезлъ съ крестомъ, а подъ ними ордена. Но есть и своеобразныя виньетки. Такъ въ началѣ тетради 1807 года нарисованъ круглый жертвенникъ

и на немъ горящій и дымящійся пламень. Сверху, въ солнцѣ, начерчены буквы: S. M. K, а по бокамъ, въ облакахъ,—двѣ круглыя башни,—обѣ въ два яруса: одна о трехъ окнахъ, съ полуовальнымъ куполомъ и съ крестомъ на яблокѣ надъ фонаремъ, а другая о пяти окнахъ. Надъ этою на шарѣ, что надъ фонаремъ, ангелъ трубитъ въ трубу. На первой башни на полукуполѣ написаны буквы Т. V. а на другой: T. G. Полагаемъ что эти монограмы означаютъ: templum veritatis, templum gloriae. На тетради 1813 года въ овальномъ кругѣ, окаймленномъ лавровымъ вѣнкомъ, нарисованъ акварелью очень схожій портретъ митрополита. Нагой не то купидонъ, не то ангелъ держитъ лѣвою рукою этотъ кругъ, а съ правой—трубитъ въ трубу,—вѣроятно славу митрополита. Это—какъ бы на небѣ—вверху, а внизу на земномъ полушаріи, съ правой стороны изъ за него, восходитъ солнце, а на полукаѳедрѣ сидитъ нѣкая, вѣроятно Муза, и собирается писать что то на открытой книгѣ. Но еще ничего не написала—должно быть обдумываетъ. Подлѣ нее стоитъ въ греческомъ полуобнаженномъ костюмѣ толстая дѣвка съ малорусскимъ типомъ, и держитъ солнце въ лѣвой рукѣ (вѣроятно аврора), а въ правой—что то въ родѣ книжки. Не значитъ ли это: aurora musis amica?—Надъ иными тетрадями нарисованы или только всевидящее око, съ тремя огненными языками, или Спаситель съ крестомъ, сидящій на горѣ. Въ рукахъ у него хартія, на которой написано: *яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ*. На одной тетради (1815 г.) изображенъ Спаситель, присѣдящій на облакахъ. Правую руку онъ прижалъ къ груди, а въ лѣвой держитъ раскрытую книгу съ надписью: *Я прославилъ, и паки прославлю*. Наконецъ въ одной тетради (1811 года) нарисована виньетка,

которой значеніе мы не беремся разъяснить. Подъ деревомъ сидѣли два нагіе купидона и читаютъ книгу, на которой написано: historia и потомъ каракульки и точки. Влѣво отъ купидоновъ круглый жертвенникъ съ пламенемъ и дымомъ, а вверху въ облакахъ, не то храмъ, не то бесѣдка восьмигранная съ полукуполомъ и надъ нимъ яблокомъ. На полукуполѣ видны два лавровыхъ вѣнка. Рядомъ съ башнею идутъ облака, надъ ними, въ солнцѣ, начертаны связью буквы S. M. K., т. е. Серапіонъ митрополитъ кіевскій.

Каждая почти тетрадь имѣетъ епиграфъ изъ латинскихъ стиховъ какого либо классическаго поэта. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ епиграфовъ:

1810 года: «O decus, a famae merito pars maxima nostrae,
Mecenas, pelagoque volans da vela patenti». Virgil. Georg
L. II v. XL.
1813 г. «Dignum laude virum Musa vetat mori». Horat.
1814 г. «Instar veris vultus ubi tuus.
Affulsit populo, gratior it dies.
Et soles melius nitent». Horat.
«Semper honos, nomen que tuum, laudes que manebunt» Virgil.
1815 г. «Semper nobiscum eris, memorique haeretis in ore
Te lyra, pulsa manu, te carmina nostra sonabunt. Ovid.
1817 г. «Sanctissimum est meminisse, cui debes». Cicer.
«Et thure et fidibus juvat placere custodes» Horat.

Впрочемъ на одной тетради 1816 года, послѣ латинскаго стиха: Felix in terris sapiens et in aethere felix», надписаны и русское четырестишіе изъ Державина:

«Живи наукамъ благодѣтель,
Твоя жизнь ввѣкъ цвѣсти должна,

Не умираетъ добродѣтель,
Безсмертна музами она».

Выходный листъ въ каждой тетради написанъ съ такимъ искуствомъ, что съ перваго раза представляется печатнымъ. На немъ выписанъ весь титулъ митрополита: Вотъ для образчика текстъ одного изъ выходныхъ листовъ (1816 г.).

Жертва
благоговѣйныхъ чувствованій,
которую
Святѣйшаго правительствующаго сѵнода
члену,
великому господину,
Высокопреосвященнѣйшему
Серапіону
Божіею милостію
Митрополиту
Кіевскому и галицкому,
Кіево-печерскія лавры
священно-архимандриту,
Императорской медико-херургической академіи
почетному члену
и разныхъ орденовъ
кавалеру,
Кіевской академіи главному директору и попечителю,
высокому наукъ покровителю,
съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностію
оная кіевская академія
во всерадостный день Ангела
Его Высокопреосвященства
Марта 16 дня 1816 года
посвящаетъ.

Тоже самое надписаніе видимъ мы и въ другихъ тетрадяхъ, только съ нѣкоторыми измѣненіями въ первоначальныхъ словахъ. Въ тетради 1806 года надписано было: «Жертва, которую» и проч. Въ 1807 году уже посвящаются отъ академіи «радостныя чувствованія музъ», въ 1808 году приносится «Даръ сердецъ», въ 1809 году «благоговѣйное жертвоприношеніе сердецъ», въ 1810 году «усерднѣйшее приношеніе». Въ 1811 изливаются, «благоговѣйныя чувствованія», въ 1812, 1813 и 1814 гг. приносится опять «благоговѣйная жертва»; въ 1814 и 1815 гг. изливаются вновь «благоговѣйныя чувствованія», въ 1816—посвящается жертва благоговѣйныхъ чувствованій; а въ 1817—приносится просто «жертва».

Такая постановка поздравленій митрополиту Серапіону съ перваго раза располагаетъ къ нимъ, такъ, что съ охотою принимаешься за пересмотръ ихъ и за чтеніе. Но просмотрѣвши рубрики, подъ которыми идутъ поздравленія, невольно замѣчаешь, что и тутъ, какъ на далекомъ сѣверѣ, встрѣчаемъ тѣ же оды, гимны, канты, эпиграммы, рондо и акростихи, и проч. Впрочемъ, всматриваясь далѣе въ составъ поздравленій, отъ академіи поднесенныхъ митрополиту, не можемъ не признать, что въ академіи наука была шире, чѣмъ въ Сибири. Именно: мы здѣсь находили греческіе стихи, и польскіе wierzshy, чего нѣтъ въ сѣверорусскихъ віршахъ. Но какъ бы изумился Пиндаръ, еслибы ему удалось прослушать какой либо ὕμνος греческій, воспѣтый кіевскою музою. Онъ понялъ бы, что съ того времени, какъ съ тѣнями безсмертныхъ онъ блуждаетъ во мракѣ Аида,—какъ Грецiя утратила свою древнюю классическую рѣчь, русской землѣ досталась въ удѣлъ не только сохранить въ цѣлости остатки ея, но и улучшить стихотворный греческій складъ. Въ гимнахъ кіевско-греческихъ музъ

древній поэтъ съ изумленіемъ поучился бы, какъ на древнемъ еллинскомъ языкѣ можно писать гимны не по метрическому, а по силлябическому и даже отчасти тоническому размѣру и при томъ съ риѳмами. Вотъ образецъ изъ гимна, пѣтаго іереемъ Стефаномъ Семяновскимъ въ 1815 году.

Ἀλαλάξατε Κυρίω,
Ἀλαλάξατε τρανῶς
Πάντες ὄντες εν ποιμνίω.
Σεραπίονος πατρός,
Τούτȣ ὄνομα αἰνεῖτε,
Τὴν ζωὴν, δοξολογεῖτε
Ὡς πραότητον πηγὴν
Καὶ αἰτίαν ευτοχίας,
Ἀιωνίας σωτηρίας
Πάντων ὧν ἐςὶ ποιμὴν...

Не правда ли созвучнѣе древняго греческаго безриѳменнаго стиха?! Греческія стихи въ поздравленіяхъ всѣ безъ исключенія принадлежатъ учителю академіи, іерею Стефану Семяновскому. Память объ этомъ многоученомъ мужѣ и доселѣ еще свѣжа въ Кіевѣ. Онъ былъ впослѣдствіи каѳедральнымъ протоіереемъ въ кіево софійскомъ соборѣ.

Другое отличіе южнорусскаго образованія отъ сѣвернаго состоитъ въ томъ, что въ поздравленіяхъ каждаго года находимъ польскій wiersz. Польскіе стихи всѣ принадлежатъ компонованью учителя Гловицкаго. Для читателей нашихъ, безъ сомнѣнія знакомыхъ съ польскою рѣчью, предлагаемъ wierzs skomponowany professorem polskego ięnzyku Ignacym Glowackim:

Duch i serce spełnjone nemiernej radosci:
Wiedzie nas przed Cię, Pasterzu niebem dany;

By u nóg Twoich, nasche uprzeymosci
Złożyć w ofiercze, w dzień dziś pozandany,

* *
*

W dzień któren Patronowi Twoiemu poświęncony
By każdy z chreścian, na uczenie lemu
Niosł i modlitwy, i serce swe w dary.

*
* *

My z ochotę swe serca, i modły niesiemy:
Serapionowi, w niebie swiętemu
S swietego w modlitwach naszych prosiemy?
By Patronowi, tu na ziemi swemy.

*
* *

Modlitwami swoiemy u Twórcy u prosił
Życia długego, y pomyslney chwili,
By wielkie czyny Twoie, wiek wiekowi głosił,
A my się zawsze, Pasterżem cieszyli.

---

*
* *

Przyjmi te od nas Panie, życzenia serdeczne
Ogne od czystey, pochodzo duszy
Ogne są ne czasowe, lecz będez wieczne
I nikt z nas młodzi, w sobie nie potusczy.

Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о достоинствѣ этого полнаго вирша. Мы только хотѣли указать, что кіевская муза была во времена Серапіона многоязычна: русскіе, латинскіе, греческіе, французскіе и нѣмецкіе стихи въ каждой тетради перемежаются одни за другими. Есть даже еврейскіе и—тоже, какъ и греческіе,—съ риѳмами! Въ ряду поздравленій, какъ и въ сѣверныхъ привѣтствіяхъ, первое-мѣсто принадлежитъ одамъ безконечно длиннымъ, потомъ слѣдуютъ

гимны (одинъ изъ нихъ, 1816 г. написанъ даже акростихомъ: «Σεραπιονι τω υψιλοπανιεποτατω, μητροπολιτη Κιοβιας και Ταλιτzιας υμνοναδω»). За гимнами слѣдуютъ «carmina» (есть даже велемудрый »carmen onomasticum). Въ одной тетради (1810 г.) какъ особенность, находимъ эклогу, въ которой, Меналкъ и Харазій бесѣдуютъ о красотахъ природы, только не кіевской, а какой-то измышленной еще воображеніемъ древнихъ поэтовъ, и приходятъ къ тому убѣжденію, что мартъ веселѣе мая, потому что въ мартѣ митрополитъ былъ имянинникъ (16 ч). Эклога эта сложена замысловато. Въ ней, кромѣ разговора двухъ главныхъ лицъ, есть и пѣсни пастуховъ. Вотъ одна изъ нихъ, которою заканчивается стихотвореніе:

Разливайся Днѣпръ широкій
Черно-синею струей,
Омывай брега высоки,
Радости вездѣ разлей.

Мчись, катись, рѣка священна,
По стремленью своему,
И бывъ Понтомъ поглощенна,
Возвѣсти сіе ему:
Что мы всѣ во благоденствѣ
Такъ, какъ лилія, цвѣтемъ,
И во всякомъ совершенствѣ
Къ Богу вѣрою растемъ.

Слава кроткому монарху
И числу его побѣдъ,
Слава мудру іерарху,
Мы лишены всякихъ бѣдъ.

За гимнами слѣдуютъ канты, акростихи, сонеты, рондо, стансы, мадригалы, идилліи и епиграммы. Въ заключеніе двухъ тетрадей есть даже эхо, а на послѣднемъ листѣ почти каждой тетради стихи въ кругѣ, въ которомъ посрединѣ стоятъ на крестъ слова: Серапіонъ, а стихи въ звѣздѣ круга пригнаны такъ, что буква П приходится въ центрѣ круга.

(Окончаніе будетъ).

К. Думитрашковъ.

ДВѢ НАДГРОБНЫЯ НАДПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА КОНСТАНТИНУ ИВАНОВИЧУ И КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ КНЯЗЬЯМЪ ОСТРОЖСКИМЪ [1]).

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ Кіево—Софійской библіотеки, подъ № 362-мъ, между стихотворными эпиграммами кіевскихъ ученыхъ конца XVII в., мы нашли двѣ эпитафіи князьямъ Острожскимъ Константину Ивановичу и Константину Константиновичу. Хотя первая изъ нихъ написана или переписана, съ нѣкоторыми добавленіями, въ 1693 году; но она вѣрнѣе передаетъ хронологію Константина Ивановича, чѣмъ эпитафія ему въ Тератургимѣ Кальнофойскаго, 1638 года. Эпитафія же Константину Константиновичу доселѣ была неизвѣстна. Обѣ онѣ указываютъ нѣкоторыя черты жизни князей Острожскихъ и потому мо-

---

[1]) Сообщено въ засѣданіи общества Нестора лѣтописца проф. Н. И. Петровымъ.

гутъ имѣть значеніе для біографіи этихъ князей, имѣвшихъ близкое отношеніе къ Кіеву.

I.

Епитафионъ (Константину Ивановичу).

Богъ нашъ Тройца Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, во единствѣ покланяемый, о немже живемъ и движемся и есмы.

В лѣто отъ созданія міру 7023 (читай: 7134 [1]), а отъ рождества Сына Божія 1526 преставися благовѣрный и христолюбивый, яснѣ освѣцоный и велможный князь Константинъ Ивановичъ Острозкій, во всей Русси славенъ, сый роду князей рускихъ, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, сый во мужествѣ храбро слывучій и преодолѣлъ и побѣдилъ помощію всесильнаго Бога супостатъ кролевства польскаго. Онъ же отъ млада и до старости с вѣрою служащи, немало великихъ битвъ побивалъ, всѣхъ 60, а болшихъ три: на Бѣлой Церквы, у Орши, у Днѣпрѣ и Голшаницѣ рѣцѣ. Еще и въ вязеню великомъ 7 лѣтъ сидѣлъ; потомъ отъ государя отцемъ былъ названъ. Животъ свой окончалъ у 70 лѣтъ з великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ.

---

[1]) Мы возстановляемъ это чтеніе въ соотвѣтствіе ниже означенному 1526 году по Р. Христовѣ. Этотъ годъ, какъ годъ смерти Константина Ивановича, подтверждается и нижеслѣдующими вычисленіями эпитафіи и изслѣдованіемъ г. Романовскаго, сообщеннымъ на III Археологическомъ съѣздѣ.

Гробъ же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. крещеніи Василіемъ Острозкимъ, воеводою кіевскимъ, маршалкомъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7. Якъ преставися, до сего року 1693 чинитъ лѣтъ 167, а нагробку лѣтъ 114, по смерти въ лѣтъ 50 и три поставися.

II.

Нагробокъ ясне освѣцоному Константину Константиновичу Князю Острозкому.

Ясне освѣцоное Константинъ Константиновичъ во св. крещеніи нареченный Василіе

Княжа Острозкій.

Въ житии и по одходѣ зъ свѣта сего ради его святобливости заисте годно есть именовати

Мужъ божій.

Отъ государей-Королей воевода Кіевскій, маршалокъ землѣ Волинское, староста Володимерскій

Именованъ.

Во благочестіи же св. каѳолическія соборныя апостольскія церкви яко столпъ непоколебимъ отъ всѣхъ

Свѣдѣтельствованъ.

Славнаго роду росийскаго греческаго закону вѣру, въ нейже и родися, соблюде до конца.

Надежду имѣя въ день заплаты отъ Господа вышняго сподобитися нетлѣннаго вѣнца.

Ревнуя бо поревнова великому Константину цару. Онъ же всѣхъ обще ходатай бысть крещенія.

Сице и сей Константинъ божественными писмени славенскими и книгами подвиги и скорбы своими роду росийскому зычилъ просвѣщенія.

Въ Острозѣ Богоспасаемомъ градѣ отчизнѣ свой преставися ,успе о Господѣ въ церкви великой замковой.

И положенъ;

До зготованныхъ обителей вѣрнымъ Божіимъ отыйде, минуючого вѣка сего есть

Свобоженъ.

Родися во градѣ своемъ Турове лѣта Божія нароженя 1527, преставися лета Божія нароженя 1608, имѣя житія своего лѣтъ 81.

Печатать дозволяется 30 Іюля 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Тип. аренд. С. В. Кульженко.